

22 февраля (7 марта)

Священномученик
Виктор (Моригеровский)
и мученица
Ирина (Смирнова)

Священномученик Виктор родился 17 апреля 1872 года в селе Минеево Дмитровского уезда Московской губернии в семье священника Иоанна Моригеровского. Виктор Иванович окончил в 1889 году Заиконоспасское духовное училище, в 1896 году – Вифанскую Духовную семинарию, в 1901 году он был рукоположен во священника к Никольской церкви села Черленково Волоколамского уезда Московской губернии. В XVI веке в этом селе был мужской монастырь, приписанный к Иосифо-Волоколамскому монастырю. Впоследствии монастырская церковь была превращена в приходскую¹.

В 1931 году отец Виктор был арестован по обвинению в отказе от выполнения общегосударственных повинностей и приговорен к двум годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Не согласившись с обвинением, он подал кассационную жалобу в суд и был оправдан. В 1933 году власти снова арестовали священника по обвинению в контрреволюционной агитации. Тройка ОГПУ приговорила его к трем годам ссылки в Казахстан. В июне 1934 года отец Виктор вернулся домой и вновь стал служить в Никольском храме.

Во время гонений на Церковь в конце тридцатых годов власти стали собирать сведения о тех, кого предполагали арестовать. 22 января 1938 года следователь допросил Петра Павловича Розова, который служил священником в Никольской церкви, но в 1937 году оставил служение и поступил работать в контору «Союзплодоовощ».

Отвечая на вопросы следователя, он сказал: «Из фактов контрреволюционной деятельности Виктора Ивановича Моригеровского мне известно следующее. 27 декабря 1937 года в доме Моригеровского был священник из села Поречье Уваровского района Василий Никитский; последний хотел поступить священником в село Левкоево Шаховского района. В разговоре с Никитским о переходе его в Шаховской район Моригеровский сказал: “Советская власть в нашем районе никакого житья не дает духовенству. Налогами нас, видать, не осилили, так начали пачками арестовывать”.

12 декабря 1937 года в доме Моригеровского в разговоре об аресте за контрреволюционную деятельность некоторых священников Шаховского района Моригеровский говорил: “Большевики сейчас, как видно, окончательно озверели на духовенство, никакого житья не стало нам от советской власти. В конституции о религии пишут одно, а на деле делают другое. Забирают всех подряд ни за что. Вот и в нашем районе несколько священников пошли страдать. А за что? Совершенно ни за что забрали”.

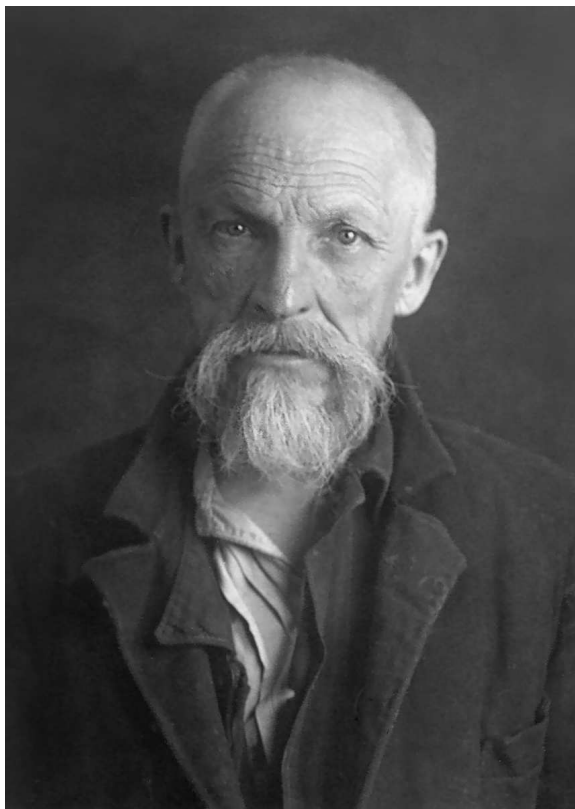
19 декабря 1937 года священник Моригеровский в помещении черленковской церкви с амвона верующим читал проповедь и призывал их всячески оказывать помощь духовным лицам, арестованным за контрреволюционную деятельность. Моригеровский говорил: “Православные, советская власть сейчас многих лиц из высшего духовного звания заключила под

стражу. Святые отцы наши пошли страдать ни за что. Исключительно только за то, что они поддерживали православную веру, сохраняли наши храмы. И мы должны им оказать помощь и поддержку. Эта помощь даст возможность сохранить нам православную веру и храмы на многие лета”.

В январе 1938 года в разговоре со мной о новой конституции священник Моригеровский сказал: “Сейчас все радуются и хвалят новую конституцию, а что нам дала новая конституция? Ничего хорошего. По приходу как не давали ходить с молебнами, так и сейчас не дают. В новую конституцию я не верю и жду еще большего нажима на духовенство со стороны советской власти, так как, кроме издевательств над нами, мы ничего от советской власти не видели и не увидим”»².

11 февраля 1938 года была составлена справка на арест священника, в которой среди прочих лжесвидетельств было такое: «В мае 1937 года Моригеровский около церкви верующим говорил: “Православные, советская власть сейчас требует от церкви уплаты налога, а средств таких, которые на нас возложены в уплату, у церкви нет, и вот у меня к вам большая просьба: надо будет организовать сбор в помощь церкви и духовенству, только так мы и сохраним свою православную веру, не дадим ей погибать от слуг антихриста – большевиков”.

21 января 1938 года в помещении Черленковского сельсовета в разговоре с гражданином Чухровым об оплате гособязательств Моригеровский сказал: “Хоть вы меня и вынуждаете под давлением непосильных налогов отказаться от службы, но я в помощь церкви и для сохранения православной веры мобилизую все силы верующих своего прихода и буду служить православной вере до последних дней своей жизни”»³.

*Священник Виктор Моригеровский.
Москва, Таганская тюрьма. 1938 год*

16 февраля 1938 года отец Виктор был арестован и заключен в волоколамскую тюрьму.

– 21 января 1938 года вы в помещении сельсовета в Черленково высказывали злобу на советскую власть, что духовенство обложили непосильными налогами? – спросил его следователь.

– Я действительно был в Черленковском сельсовете, куда меня вызывал инспектор Райфо по вопросу учета доходов, но я ничего там не говорил, – ответил священник.

– В мае 1937 года вы вели среди верующих контрреволюционную агитацию против советской власти, высказывали недовольство существующим строем?

– По этому вопросу я также ничего не говорил. Показания против меня считаю ложными, – ответил священник.

– Вы признаете себя виновным в предъявленном вам обвинении?

– Виновным себя в предъявленном мне обвинении я не признаю.

Вместе с отцом Виктором Моригеровским была арестована староста Никольского храма Ирина Алексеевна Смирнова.

Мученица Ирина родилась 16 апреля 1891 года в селе Рамешки Волоколамского уезда Московской губернии в семье крестьян Алексея и Матроны Петровых.

В справке, составленной на ее арест, сотрудник НКВД написал: «Поддерживает тесную связь со священником Виктором Ивановичем Моригеровским. Они концентрируют вокруг себя верующих, организуют сборы в помощь церкви и духовенству.

*Ирина Алексеевна Смирнова.
Москва, Таганская тюрьма. 1938 год*

В январе 1938 года Смирнова говорила: “По конституции советская власть Церковь от государства отделила, а сами к Церкви придираются и с религией ведут борьбу. Сейчас вот двух священников арестовали; жаль бедных, ни за что страдать пошли, но мы тоже не уступим, одних взяли, других призовем”.

В ноябре 1937 года в разговоре около церковного сарая на тему о жизни при советской власти Смирнова говорила: “Никогда хорошей жизни при советской власти не было и не будет, потому что все руководители советской власти и коммунисты – жулики. Всюду и везде все растаскивают. Вот, например, церковь нашу всю обобрали, задавили непосильными налогами. Несчастное железо и то сейчас украли. А кто? Всё вы, коммунисты, тащите. Все вам мало, и все равно у вас ничего не было и нет”»⁴.

На допросе, как это часто бывало, следователь попросил Ирину Алексеевну рассказать о себе. Она рассказала, что с малолетства до 1912 года жила с родителями, которые имели в то время дом с надворными постройками, два сарая, ригу, молотилку, веялку, конную льнопрядку, имели земли на три души, помимо этого, арендовали землю от четырех до пяти десятин у помещика. Для уборки урожая нанимали рабочую силу. Имели лавку с мануфактурными и бакалейными товарами. В 1912 году она вышла замуж в деревню Сутоки за Николая Алексеевича Смирнова, с которым прожила полтора года. В хозяйстве у них был дом с надворными постройками, два сарая, амбар, рига, молотилка, две лошади, две коровы. В 1913 году муж выстроил лавку, в которой открыл бакалейную торговлю. Спустя четыре месяца он был арестован за убийство торговца-дегтярника и приговорен к пятнадцати годам каторги. Ирина осталась жить у свекра, в наследство от мужа ей досталась бакалейная лавка. Имея на иждивении двоих детей, она не смогла торговать, и торговала ее сестра. Впоследствии Ирина Алексеевна построила дом, ригу и сарай, имела лошадь, корову, три-четыре овцы. С 1931 по 1936 год она состояла в колхозе, откуда вышла по болезни. Хозяйство родителей подверглось при советской власти раскулачиванию, они были лишены избирательных прав, а затем за невыполнение твердого задания был выслан на три года отец. После отбытия срока он стал жить у нее. Прожил три года и в сентябре 1937 года скончался.

– Следствие располагает данными, что вы имеете дружескую связь с Моригеровским, организовывали массы верующих на сборы в помощь церкви и духовенству, часто посещали дом Моригеровского, вели контрреволюционную агитацию против проводимых мероприятий, дискредитировали руководителей советской власти, – сказал следователь.

– Я со священником Моригеровским поддерживала дружескую связь по службе, то есть взаимоотношения между нами были религиозные. Сборов в помощь духовенству я не организовывала. Я посещала его дом по служебным делам в воскресные дни. Контрреволюционной агитацией против советской власти не занималась, – ответила Ирина Алексеевна.

– Вам предъявляется обвинение в занятии контрреволюционной агитацией против проводимых на селе мероприятий советской власти. Признаете себя виновной?

– В предъявленном мне обвинении виновной я себя не признаю.

На этом допросы были закончены. 27 февраля тройка НКВД приговорила отца Виктора и Ирину Смирнову к расстрелу. Священник Виктор Моригеровский и староста храма Ирина Смирнова были расстреляны 7 марта 1938 года и погребены в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века.
Составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Февраль».
Тверь. 2005. С. 360-366

Библиография

Монастыри и храмы Московской епархии. М., 1999. С. 109-110.

Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 6. Тверь, 2002. С. 65-70.

Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Январь-Май. Тверь, 2002. / Составитель жития игумен Дамаскин (Орловский). С. 149-155.

ЦИАМ. Ф. 234, оп. 1, д. 2095.

ГАРФ. Ф. 10035, д. 23028.

Примечания

---

¹ Монастыри и храмы Московской епархии. М., 1999. С. 109-110.

² ГАРФ. Ф. 10035, д. 23028, л. 24.

³ Там же. Л. 36.

⁴ Там же. Л. 3.